

ВЕЩЬ В МУЗЕЕ

DOI 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-6-15

УДК 069:39

Альберт Кашфуллович Байбурин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7357-0333
E-mail: abaiburin@yandex.ru

Вещь в музейных диалогах

АННОТАЦИЯ. Мир вещей был и остается фундаментом музейного дела. В статье рассматриваются особенности взаимодействия с музейными предметами в этнографическом музее. Такие взаимодействия (диалоги) направлены на конструирование представлений о прошлом и чужом, поскольку этнографический музей ориентирован не только на прошлое (как всякий музей), но и на другие (чужие) культурные традиции. При рассмотрении вещей исходным является положение о том, что они используются в качестве экспонатов благодаря их семиотическим характеристикам. Символическое и практическое содержание «закладывается» в них начиная с процесса их изготовления. Переход вещей в статус музейных экспонатов означает утрату ими своего прежнего культурного контекста, но вместе с тем они приобретают новый, теперь уже музейный статус, который позволяет рассматривать их в качестве знаков/символов той культурной традиции, которой они принадлежали. Для разработки музейных экспозиций следует учитывать две формы функционирования вещей: повседневную и ритуальную. Обычно в музее представлен повседневный порядок взаимодействия вещей. Ритуальный порядок может существенно изменить взгляд на вещи и расширить их содержание. Особенность диалога посетителя с выставленными вещами состоит в том, что он превращается в диалог с самим собой по поводу этих вещей. В этом диалоге с собой и происходит наделение экспонатов своим содержанием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнографический музей, диалог, вещь, экспонат, символ, знак, семиотический статус, музейный статус

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Байбурин А. К. Вещь в музейных диалогах. *Кунсткамера*. 2024. 3(25): 6–15. doi 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-6-15

OBJECT IN MUSEUM

Albert Baiburin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7357-0333
E-mail: abaiburin@yandex.ru

Object in Museum Dialogues

ABSTRACT. The world of things has been and remains the foundation of museum work. The article deals with the peculiarities of interaction with museum objects in an ethnographic museum. Such interactions (dialogues) are aimed at constructing ideas about the past and the alien, since an ethnographic museum is focused not only on the past (like any museum), but also on other (alien) cultural traditions. When considering things, the starting point is that they are used as exhibits due to their semiotic characteristics. Symbolic and practical content is “laid” into them, starting from the process of their manufacture. The transition of things to the status of museum exhibits means that they lose their previous cultural context, but at the same time, they acquire a new, museum status, which allows them to be considered as signs/symbols of the cultural tradition to which they belonged. To develop museum exhibitions, two forms of functioning of things should be taken into account: everyday and ritual. Usually a museum presents the everyday order of interaction of things. Ritual order can significantly change the way one looks at things and expand their meaning. The peculiarity of the visitors’ dialogue with the exhibited things is that it turns into a dialogue with themselves about these things. It is in this dialogue with oneself that the exhibits are endowed with their content.

KEY WORDS: ethnographic museum, dialogue, thing, exhibit, symbol, sign, semiotic status, museum status

FOR CITATION: Baiburin A. Object in Museum Dialogues. *Kunstkamera*. 2024. 3(25): 6–15. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-6-15

Коллекции и фонды этнографических музеев долгое время считались важным ресурсом этнографов в их научной работе, но постепенно предметный мир уходил из сферы актуальных интересов этнографов и антропологов. В то же время музейная этнография сохранила фокус на сфере материального, поскольку мир вещей был и остается фундаментом музейного дела, однако исследования в этой области редко выходили за рамки музееведческой проблематики. В 2007 г. в журнале «Антропологический форум» состоялась дискуссия о современных этнографических музеях, в которой принимали участие представители крупнейших музеев Европы (Этнографические музеи 2007: 6–132). Речь шла главным образом об изменениях в восприятии музея, о кризисе этнографических музеев, принципах экспонирования различного рода объектов, способах привлечения посетителей и т. д. Показательно, что у ее участников практически не возникало вопросов об использовании сведений, собранных и порождаемых музеем, в научных целях. Можно сказать, что музей остался в поле традиционной этнографии с ее колониальными корнями и оказался практически не включен в ориентированную на современность культурную/социальную антропологию, не говоря уже об угасании интереса к предметной сфере в самой этнографии (Баранов 2016: 25–31).

Не очень помог даже так называемый онтологический, или материальный, поворот, который так вдохновил представителей других социальных наук (Незамеченные революции 2015). После разысканий Б. Латура, Дж. Ло, К. Кнорр-Цетин и других исследователей этого направления резонно было бы ожидать, что вопросы, связанные с музеем, войдут в число актуальных для антропологии сюжетов, поскольку вещам стал придаваться статус актантов, что позволяло увидеть прежде неявные свойства и функции вещей. В рамках этого направления музей может рассматриваться и как пространство производства знания (причем знания двух видов: не только для посетителей, но и для научных работников), но заметного оживления исследований в этом направлении не произошло¹. Вместе с тем этнографический музей по-прежнему привлекает внимание как пространство, в котором посредством вещей, принадлежащих разным культурным традициям, конструируются представления о прошлом и настоящем, своем и чужом, типичном и уникальном. Среди многих вопросов, возникающих при ближайшем рассмотрении, меня интересуют особенности взаимодействия с вещами в музейном пространстве. В частности, какие свойства/качества вещей осознанно или неосознанно используются для конструирования этих представлений.

Этнографический музей можно представить как место диалогов, ориентированных на выявление информации, носителями которой становятся музейные экспонаты. Обращение к понятию «диалог» вызвано тем, что знаковость вещей реализуется главным образом в ситуации диалога человека с вещью. Об особенностях музейной коммуникации существует много исследований (Hooper-Greenhill 1991; Clifford 1997 и др.), но в данной статье диалог будет пониматься в широком смысле как взаимодействие (реальное или виртуальное) не только между людьми, но и между людьми и музейными предметами, а также между самими предметами, которые в этих случаях могут выступать в роли своего рода актеров (Латур 2006). При таком подходе оказывается, что этнографический музей насыщен интересующими нас диалогами. Я рассмотрю лишь некоторые из них, но сначала несколько замечаний о музее как явлении культуры.

Прежде всего стоит отметить, что сам музейный проект можно рассматривать как результат диалогов, среди которых особое значение имело взаимодействие человека с прошлым. Все музеи так или иначе обращены в прошлое. Специфика этнографических музеев в том, что они обращены не только в прошлое, но и к другим культурными традициям, чему, естественно, будет придаваться и идеологический смысл, особенно на поздних этапах музейной истории. Своя культура (там, где она представлена) демонстрируется, как правило, экспонатами, дающими представление о ее прошлых состояниях в разных локальных традициях. Так или иначе, этнографический музей

¹ Тем не менее есть отдельные примеры интересных исследований (Руденко 2017; Lepinay 2019 и др.).

становится своего рода сгустком представлений о пространстве, времени, о своей и чужих культурных традициях.

Для этнографического музея в сегодняшнем понимании (как публичного пространства) требуется признание ценности диалога о прошлом и чужом, необходимости его трансляции другим возможным участникам, включение в широкое коммуникативное пространство. Дистанция от частного коллекционирования к музею как просветительскому проекту оказалась велика. Она была успешно пройдена там, где актуальными становятся идеи модернизации, непременной составляющей которых является идея распространения просвещения. Неслучайно первый публичный музей в России — Кунсткамера, которая следовала образцам средневековых европейских музеев, — возник именно как просветительский проект (Байбурин 2004: 81–86).

Не менее важно для любого музея стихийно используемое сперва в коллекционировании, а затем и в музеях свойство знаковости вещей, что дает возможность рассматривать их как репрезентантов той культуры, которой они принадлежали. Сейчас можно с уверенностью говорить, что музей состоялся прежде всего как семиотический проект, поскольку без ориентации на знаковые свойства вещей вряд ли возникла бы сама идея музея как ретранслятора культурных ценностей. Это обстоятельство требует уделить особое внимание знаковым свойствам предметов в музейном пространстве и соответственно диалогам по поводу вещей. Но прежде следует обратиться к «до-музейному» периоду жизни вещей.

МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ В ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ЖИЗНИ

Не буду подробно останавливаться на сценарии жизни вещей, или, в терминах И. Копытоффа, их культурной биографии (Копытофф 2006). Отмечу лишь следующее. Особенности этой биографии определяются тем, что вещи являются не просто созданием человека, но и его продолжением в культурном пространстве. В свое время известный русский философ Павел Флоренский писал, что вещи — продолжение тела человека, причем почти в буквальном смысле: орудия труда — продолжение его рук, средства передвижения — ног, оптические устройства — органов зрения и т. д. (Флоренский 1969: 40–43). Своего рода «человечность» вещей отмечалась многими исследователями (Хайдеггер 1993; Топоров 1995 и др.). Эта «человечность» вещей в какой-то мере объясняет и то обстоятельство, что они задействованы не только в утилитарной, но и в ритуальной и — шире — социальной сфере. Можно сказать, что вещи не просто «продолжают» человека в культурной среде, но и представляют, замещают его там, где это считается возможным и необходимым.

Если говорить о вещах так называемой традиционной культуры, то уже в процессе изготовления вещь наполнялась, помимо всего прочего, экстраутилитарным содержанием. Выбор материала для изготовления тех или иных вещей подчинялся не только практическим, но и символическим требованиям. Технология изготовления бытового предмета была, как правило, ритуализована и включала действия, которые были избыточными с точки зрения утилитарной прагматики. Неслучайно специалистам (плотникам, кузнецам, гончарам и др.) приписывалось магическое знание в самых разных культурных традициях.

И наоборот, тому, что мы привычно относим, например, к эстетической стороне вещей, могло придаваться практическое значение. Мне довелось видеть в Ярославской области прялки, которые никогда не использовались только потому, что они не были украшены — на них не было резьбы или росписи. Казалось бы, это обстоятельство никак не влияет на их технические характеристики, но это с нашей точки зрения. С точки зрения владельцев они не были готовы для использования в качестве приспособления для прядения. Этот случай свидетельствует о совершенно разных представлениях не только о прагматике вещей, но и о назначении того, что мы в соответствии с нашими стереотипами относим к «украшениям». Подобные случаи дают гораздо больше для понимания функциональной роли украшений в традиционной культуре, чем сами

украшения, извлеченные из контекстов, в которых практическое и символическое оказываются неразрывно связанными.

Использование вещей, как известно, тоже не ограничивалось утилитарным назначением. Их семиотический статус непосредственно зависел от контекста использования (Байбурин 1989: 67–88). В ритуальных практиках многие вещи приобретали характер знаков. Швейная игла становилась оберегом, и даже рыболовная сеть кардинально меняла свое значение, если ее использовали в качестве пояса, которым подпоясывали жениха и невесту для предотвращения возможной порчи. Можно сказать, что в таких ситуациях вещам приписывалась своего рода агентность. Другой пример: такая деталь русской печи, как заслонка, использовалась двояким образом — по своему прямому назначению и в ритуальном плане (например, заслонка в свадебной, похоронной обрядности, в ситуации поиска пропавшей скотины и в подобных контекстах символизировала вход в иной мир со всем спектром значений, присущих этому образу). В первом случае заслонка функционирует как вещь и обладает минимальным семиотическим статусом, во втором тот же предмет становится знаком.

Утрата вещью практического значения в случае поломки или ветхости вовсе не обязательно вела к избавлению от нее. Старые вещи нередко продолжали использоваться, но уже в символических целях, поскольку теперь они становились воплощением идеи своего, освоенного, человеческого. Отслуживший свой срок лапоты вешали на ограду в качестве оберега, в нем же «перевозили» домового из старого дома в новый. Старые вещи не выбрасывали — им была уготована особая смерть (например, в масленичных или купальских кострах).

ОТ ВЕЩИ К ЭКСПОНАТУ

Такой сценарий жизни вещей мог иметь не совсем обычную траекторию в том случае, если они оказались выбраны в качестве музейных предметов. Степень случайности/закономерности отбора зависит не только от предпочтений тех, кто его производит, но и от множества других факторов, вплоть до идеологических установок (Петряшин 2018: 142–175). Причем это мог быть необязательно «мирный» процесс отбора предметов научными работниками. Как показала Мария Силина, в некоторых случаях это еще и результат различного рода экспроприаций, так называемой национализации, да и просто грабежей². Неслучайно проблема реституции столь характерна для старых европейских музеев. В результате музеи нередко становятся местом напряжения, различных притязаний и конфликтов. Так или иначе, по отношению ко многим музейным экспонатам можно сказать, что ведущую роль в их отборе сыграли разного рода случайности.

Как уже было отмечено, специфика этнографических музеев состоит в том, что они ориентированы на диалоги с другими (экспонируемыми) культурами. Эти диалоги происходят постоянно и на самых разных уровнях. Уже сам факт включения предмета другой культуры в число музейных является частью таких диалогов. Диалог с культурой, которой принадлежит данная вещь, становится особенно напряженным, когда представители этой культуры, например, выступают против использования их вещей в качестве музейных. Однако не менее интересны случаи, когда они относятся к бывшему «своему», а теперь уже музейному предмету так, как если бы он находился на «своем» месте и выполнял присущую ему прежде роль (например, быть сакральным предметом). Е. В. Лярская так описала отношение жителей поселка Яр-Сале на Ямале к модели священного места ненцев:

...с точки зрения «русских» сотрудников музея, это была именно модель. Более того, эта модель несколько раз разбиралась и собиралась, переносилась на другое место, экспонировалась в другом здании. Все это никак не повлияло на отношение к ней со стороны посетителей. Они почему-то

² Силина М. Музей как место конфликта. URL: <https://redmuseum.church/silina-museum-as-conflict-zone> (дата обращения: 21.03.2024).

вдруг приняли имитацию за подлинник, начали приносить к ней подношения, и в их глазах модель «оживала» и «заработала» (Ляльская 2010: 174).

Реакцию представителей культуры, которой принадлежали экспонаты, трудно предсказать. Зафиксирован и такой случай:

Однажды из Калифорнии в Петербург приехали потомки индейского племени равнинных мивок. В витрине Кунсткамеры они увидели костюм из вороньих перьев, в который облачались шаманы, изображая мифологического героя Куксу, создавшего мир. В XIX веке этот экспонат индейцы сами подарили русскому исследователю Илье Гавриловичу Вознесенскому. Сегодня это едва ли не единственный сохранившийся подобный костюм в мире. Увидев его, туристы были так потрясены, что буквально упали на колени и плакали. Предмет из коллекции петербургского музея стал ниточкой, связывающей их с далекими предками³.

В этом и подобных диалогах на первое место выходит связь с прошлым и актуализация своей этнической принадлежности.

Формирование музейных коллекций — это уже более конкретные диалоги с культурной памятью, представлениями о том, каким должно быть ее наполнение и что достойно мемориализации. Известны вопросы, которые постоянно возникают перед собирателями и музейными работниками: что достойно войти в коллекцию? Какими признаками и свойствами должна обладать вещь, помимо тех, ради которых она создавалась? В числе таких признаков — редкость или даже уникальность, что особенно характерно для коллекционеров. Для тех, кто отбирает предметы для этнографического музея, важнее другие характеристики, в частности ее типичность для той или иной культурной традиции, но, разумеется, не только это. Привлекательность и репрезентативность конкретного предмета играет не меньшую роль.

Итак, вещь попадает в музей, и, естественно, с ней происходят существенные изменения. Точнее, не столько с ней, сколько с ее восприятием и функционированием. Превращение в музейный предмет не совершается автоматически. Для успешной трансформации ему требуется «собеседник». Таким собеседником на первых порах пребывания вещи в музее становится музейный работник, который описывает ее, присваивает инвентарный номер, пытается воссоздать или сконструировать ее легенду. Если вещь удовлетворяет музейным требованиям и запросам, она может по завершении всех процедур занять свое место в экспозиции, либо отправляется на неопределенный срок в фонды хранения.

Выше говорилось, что в ритуализованных ситуациях вещь приобретает своего рода агентность. Примерно то же происходит с вещью в музее, но здесь она наделяется агентностью музейными работниками. Поместив вещь в экспозицию, они придают вещи новый, теперь уже музейный статус: быть экспонатом, «рассказывать» не только о своей прошлой жизни, но и шире — о той культурной традиции, которой она принадлежала. Здесь следует отметить, что музей не просто экспонирует культурные ценности, но и в определенной мере «создает» их, особенно в тех случаях, когда имеющихся сведений недостаточно для полноценной реконструкции. Так или иначе, происходит семиотический сдвиг, переозначивание вещи по той простой причине, что кардинально меняется контекст ее функционирования.

На первый взгляд основным референтом демонстрируемой вещи становится она сама (своего рода автореферентность). Сапог, вывешенный у дверей лавки в средневековом европейском городе, означал, что в этой лавке работает сапожник. А что значит сапог, выставленный в музее? Можно сказать: «сапог» и ничего более. И все же не совсем так. Сапогу над лавкой помогала обрести новое значение семиотика публичного пространства — включались торговые, ремесленные

³ *Ильцова Р.* По ту сторону Кунсткамеры: что о первом музее России рассказывают его зрители // Интервью. Агентство «Диалог». URL: <https://topdialog.ru/2019/02/07/po-tu-storonu-kunstkamery-chto-o-pervom-muzee-rossii-rasskazyvajut-ego-smotritelil/?ysclid=lq0pyibld798159989> (дата обращения: 21.03.2024).

и прочие смыслы. Сапог в музее обретает новые значения уже благодаря тому, что он попал в музей и наделяется музейными смыслами. Да, это сапог, но он принадлежит другому времени, другой культурной традиции, и уже одно это заставляет относиться к нему иначе и видеть в нем не только конкретный вид обуви.

Нужно сказать, что конструирование культурной дистанции — одна из основных функций этнографического музея. Более того, в этом, наверное, одна из его основных особенностей. Сам статус музейного экспоната говорит о том, что вещи придается значение репрезентанта иной традиции. Вместе с тем складывается парадоксальная ситуация: способность предмета означать что-то внеположное резко сокращается, поскольку он вырван из «привычного» для него контекста, в то время как ему приписана прямо противоположная роль — он призван указывать на ту культурную традицию, из которой был изъят, на те контексты, из которых был извлечен. Однако если это и происходит, то только в диалогах с конкретными собеседниками.

Для выявления информационных характеристик вещей следует различать две формы их функционирования — повседневную и ритуальную. В первом случае она предстает как своего рода текст, во втором — как знак/символ. Когда мы говорим о вещи как тексте, имеется в виду традиционное для этнографа (и археолога) видение, при котором возможная информация «считывается» с самой вещи. Что можно «прочитать», рассматривая и изучая вещь? Накопленный в классической этнографии и археологии опыт изучения вещей говорит, что довольно многое. Прежде всего, к какому классу вещей она относится (предмет утвари, элемент одежды и т. д.); каков уровень применявшейся при ее изготовлении технологии; какому времени и какой культурной традиции она принадлежит (если есть материал для сопоставления); каков социальный статус ее владельца (в том случае, если это, например, элемент одежды) и т. д. Кроме того, любому конкретному предмету присуща не только типичность, но и индивидуальные черты. Как писал А. Ф. Лосев, «каждая вещь — это вывороченная наизнанку личность. Она, оставаясь самой собой, может иметь бесконечные формы проявления своей личной природы» (Лосев 1990: 478). Другими словами, потенциально мы можем прочесть довольно многое, рассматривая вещь как текст, но этого явно недостаточно для обнаружения второй, знаковой стороны функционирования вещей. Между тем задачей экспозиции должна быть не только демонстрация вещей как элементов материальной культуры, но и показ тех фрагментов социальной жизни, в которых вещи становятся репрезентантами социальных отношений.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВЕЩАМИ В ЭКСПОЗИЦИИ

При поиске возможных путей реализации этой задачи следует обратить особое внимание на отношения между вещами в экспозиции. Допустим, нам хорошо известны контексты функционирования вещей. Как сделать, чтобы посетитель увидел, что вещь — это не просто бездушный предмет? Мы, как правило, обращаем внимание на утилитарную прагматику вещей (она как бы изначально в них заложена), в меньшей степени — на семантику и редко пользуемся теми возможностями, которые дает нам синтактика. Синтактика вещей обычно воссоздается в их привычном, «нормативном» виде (например, при демонстрации обстановки избы или юрты). Между тем синтактика (можно сказать диалоги между вещами) дает определенные возможности.

Обычно считается, что значение вещей может быть эксплицировано в основном с помощью вербального текста. С этим вряд ли можно спорить, и всё же. Простой и хорошо известный прием — можно экспонировать не одну вещь, а серию однотипных вещей, например головных уборов, принадлежавших представителям разных социальных слоев. В таком случае воссоздается картина не только прагматики вещей, но и в какой-то мере социальной структуры. Вариантов здесь множество — простор для музейного воображения.

Вещи вступают между собой в «диалогические» отношения в двух случаях: когда они расположены в обычном для данной традиции виде и когда этот порядок нарушается. В первом случае

они демонстрируют картину повседневной жизни. Во втором — ритуализованной ситуации, если это не произвольное, а намеренное нарушение, обусловленное логикой принятой условности и необходимое для сообщения некоей информации. Подобного рода сообщения характерны для таких форм поведения, как ритуал или этикет. Принятые в конкретной традиции отступления от обычной синтаксической нормы свидетельствуют, как правило, о знаковой прагматике и семантике. На Русском Севере шапку и рукавицы могли положить на воронец (балка для крепления потолка) только сваты. Полотенце на углу избы вешали в случае смерти домочадца. Старый башмак на изгороди имел вполне определенный смысл и назначение. Такого рода «нарушения» привычной синтактики вещей можно обнаружить и в современных реалиях — замок на мосту говорит о том, что это не просто замок, а символ любви и верности. Выставка под условным названием «Вещи как знаки», в которой демонстрируются знаковые аспекты функционирования вещей, могла бы оживить любой этнографический музей и дать представления о второй, неявной стороне жизни вещей.

ДИАЛОГ ПОСЕТИТЕЛЯ С МУЗЕЙНЫМ ПРЕДМЕТОМ

И немного о диалоге посетителя с музейной вещью. Даже если музейным работникам удастся в какой-то мере реконструировать контексты функционирования данного предмета, они излагают их, например, в своей научной работе. Вряд ли посетители знакомы с ней. Выжимки этих знаний представлены в этикетаже. Но это именно выжимки, которые могут направить размышления посетителя в нужное (как кажется музейным работникам) русло. Конечно, есть экскурсоводы, есть всевозможные каталоги и более современные средства ознакомления. Но посетитель не просто «приемное устройство» предлагаемой информации. Он так или иначе участвует в актуализации и порождении смыслов. С кем или с чем ведет диалог посетитель музея, рассматривая выставленный предмет? Может показаться странным, но основной диалог он ведет даже не с экспонатом, а с самим собой. Об этом говорят и реплики посетителей у экспозиций. По моим наблюдениям часто можно услышать такого рода реплики, относящиеся к экспонатам: «Это мне напоминает...»; «Это похоже на...»; «А мы это делаем иначе».

В этой ситуации экспонат становится объектом, провоцирующим посетителя на такие диалоги и размышления, в ходе которых происходит наделение экспоната своими смыслами. Характер этих смыслов зависит от объема его знаний о своей и той культурной традиции, которой принадлежит экспонат. В любом случае экспонат «включает» и актуализирует имеющиеся у посетителя фоновые знания, благодаря которым он может быть вписан в его картину мира. В этих диалогах осознанно или нет посетитель оперирует аналогиями, опираясь на свой опыт знакомства с подобными вещами. Основные вопросы: на что похож данный экспонат и чем он отличается от известных посетителю вещей? И даже если он не обнаруживает аналогов (в случае незнакомого или уникального предмета), так или иначе вписывает его в уже известный себе мир.

В заключение хочется сказать, что музеи до сих пор не просто живы, но и притягательны еще и потому, что в них изначально заложена идея провокативности — они провоцируют посетителей на сопоставление «чужого» со «своим», неизвестного с известным; на выявление аналогий и особенностей, а в итоге — на построение своей конфигурации того или иного фрагмента другой культуры. Ну а нас, соответственно, провоцируют на размышления об этом и многих других диалогах, а в конечном счете — о том знании, которое постоянно создается, стирается и пульсирует на разных уровнях этнографического музея.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / под ред. А. С. Мильникова. Л.: Наука, 1989. С. 67–88.
- Байбурин А. К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Новое литературное обозрение. 2004. № 1 (33). С. 81–86.

- Баранов Д. А. О чем молчат вещи // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 25–39.
- Баранов Д. А. Об этнографическом измерении материальности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2 (24). С. 36–56.
- Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // *Социология вещей* / под редакцией В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 134–168.
- Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // *Социология вещей* / под редакцией В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
- Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
- Лярская Е. О «бабушках», модели священного места и музейной этнографии (по материалам экспедиций 2006–2007 гг. в Ямало-Ненецкий автономный округ) // *Nomen est omen: сб. статей к 60-летию Николая Борисовича Вахтина (от непослушных учеников)*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 161–177.
- Незамеченные революции // *Антропологический форум*. 2015. № 24. С. 6–92.
- Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С. В. Соколовский. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2016.
- Петряшин С. Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // *Антропологический форум*. 2018. № 39. С. 142–175.
- Руденко Н. И. Пространство знания этнографического музея: стратегии, техники и репрезентации // *Антропологический форум*. 2017. № 33. С. 11–36.
- Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Наука, 1995. С. 7–111.
- Флоренский П. Органопроекция // *Декоративное искусство СССР*. 1969. № 145. С. 40–43.
- Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 316–326.
- Clifford J. Museums as Contact Zones // *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997. P. 188–219.
- Hooper-Greenhill E. A New Communication Model for Museums // *Museum Languages: Objects & Texts* / ed. G. Kavanagh. Leicester, New York: Leicester University Press, 1991. P. 53–79.
- Lepinay V. *Art of memories: Curating at the Hermitage*. New York: Columbia University Press, 2019.

REFERENCES

- Baiburin A. K. Semioticheskie aspekty funktsionirovaniia veshchei [Semiotic Aspects of the Functioning of Things]. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury*. Ed. A. S. Mylnikov. Leningrad: Nauka, 1989, pp. 67–88. (In Russian)
- Baiburin A. K. Etnograficheskii muzei: semiotika i ideologia [Ethnographic Museum: Semiotics and Ideology]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2004, no. 1 (33), pp. 81–86. (In Russian)
- Baranov D. A. O chem molchat veshchi [What Things are Silent about]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 5, pp. 25–39. (In Russian)
- Baranov D. A. Ob etnograficheskom izmerenii material'nosti [On the Ethnographic Dimension of Materiality]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2018, no. 2 (24), pp. 36–56. (In Russian)
- Clifford J. Museums as Contact Zones. *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997, pp. 188–219.
- Florenskii P. Organoproektsia [Organoprojection]. *Decorative art of the USSR*, 1969, no. 145, pp. 40–43. (In Russian)
- Heidegger M. Veshch' [Object]. Heidegger M. *Vremia i bytie: stat'i i vystupleniia* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 316–326. (In Russian)
- Hooper-Greenhill E. A New Communication Model for Museums. *Museum Languages: Objects & Texts*. Ed. G. Kavanagh. Leicester: Leicester University Press, 1991, pp. 53–79.
- Kopytoff I. Kul'turnaia biografiia veshchei; tovarizatsiia kak protsess [Cultural Biography of Things: Commodification as a Process]. *Sotsiologiia veshchei*. Ed. V. Vakhshain. Moscow: Territoriiia budushchego Publ., 2006, pp. 134–168. (In Russian)
- Latour B. Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiia odnoi dveri [Where is the Missing Mass? Sociology of One Door]. *Sotsiologiia veshchei*. Ed. V. Vakhshain. Moscow: Territoriiia budushchego Publ., 2006, pp. 199–222. (In Russian)

- Lepinay V. *Art of memories: Curating at the Hermitage*. New York: Columbia University Press, 2019.
- Liarskaya E. O “babushkakh”, modeli sviashchennogo mesta i muzeinoi etnografii (po materialam ekspeditsii 2006–2007 gg. V Iamalo-Nenetskii avtonomnyi okrug [About “Grandmothers”, the Model of a Sacred Place and Museum Ethnography (Based on Materials from Expeditions of 2006–2007 to the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]. *Nomen est omen: Sbornik statei k 60-letiiu Nikolaia Borisovcha Vakhtina (ot neposlushnykh uchenikov)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2010, pp. 161–177. (In Russian)
- Losev A. F. *Iz rannikh proizvedenii* [From Early Works]. Moscow: Pravda Publ., 1990. (In Russian)
- Nezamechennye revolutsii [Unnoticed Revolutions]. *Antropologicheskii Forum*, 2015, no. 24, pp. 6–92. (In Russian)
- Petryashin S. Sotsrealizm I etnografiia: izuchenie I reprezentatsiia sovetskoi sovremennosti v etnograficheskom muzee 1930-kh gg. [Socialist Realism and Ethnography: the Study and Representation of Soviet Modernity in the Ethnographic Museum of the 1930s]. *Antropologicheskii Forum*, 2018, no. 39, pp. 142–175. (In Russian)
- Rossiiskaia antropologiia i “ontologicheskii” povorot [Anthropology and the “Ontological Turn”]. Ed. S. V. Sokolovskii. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2016. (In Russian)
- Rudenko N. I. Prostranstvo znaniia etnograficheskogo muzeia [Space of Knowledge of the Ethnographic Museum: Strategies, Techniques and Representations]. *Antropologicheskii Forum*, 2017, no. 33, pp. 11–36. (In Russian)
- Toporov V. N. Veshch v antropotsentricheskoi perspective (apologiiia Plushkina) [Thing in an Anthropocentric Perspective (Apology of Plyushkin)]. *Mif, ritual, simvol, obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the Field of Mythopoetic]. Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 7–111. (In Russian)

Submitted: 16.05.2024

Accepted: 11.06.2024

Published: 10.10.2024